

Когда они вернулись к особняку, уже светало.

Огромное белое здание отбрасывало в утренних лучах гигантскую тень, и машина остановилась в этой тени — солнце ещё не перешагнуло её границу.

Нин Цюянь немного пришёл в себя, но физически и морально был измотан до предела. Он не ел, не спал, и тело по-прежнему оставалось ледяным.

Он чувствовал, как Гуань Хэн снова поднимает его на руки, но не хотел открывать глаза.

Нин Цюянь никогда не считал себя слабым.

Гуань Хэн давно перестал для него делиться на мужское и женское — он олицетворял нечто иное: статус, власть.

В этих обстоятельствах Нин Цюяню нечего было противопоставить.

Слуги при виде того, как Гуань Хэн несёт юношу на руках, не скрыли удивления, но не осмелились задерживать взгляд. Нин Цюянь смутно слышал, как кто-то побежал за дядей Каном. Потом под веками стало светлее и теплее — значит, его внесли в дом.

Гуань Хэн шёл ровно, без малейшей тряски. Человек весом за пятьдесят килограммов был для него, очевидно, ничем.

Теперь стало понятно, почему тогда у озера он так легко отшвырнул Нин Цюяня в сторону: тяжелобольному затворнику это было бы не под силу, но могущественному нечеловеческому существу — запросто.

«Бам» — хлопнула дверь.

Нин Цюянь не заметил, что его уже подняли вверх. Лишь когда его положили на кровать, он понял: это его комната.

Его уложили на бок. Открыв глаза, он увидел полу халата Гуань Хэна и серебристо-серый пояс — тот самый знакомый наряд, скользкий на ощупь шёлк.

Потом взгляд скользнул вниз — на кровавые пятна на собственной одежде. Он попытался сесть.

— Лежи, — раздался голос Гуань Хэна сверху.

— Слишком грязно, — Нин Цюянь всё-таки сел, поморщившись. — Воняет кровью.

Он почувствовал, как Гуань Хэн провёл рукой по его волосам — так же, как Лу Цяньцюэ, когда трепал его по макушке, только небрежнее.

Глаза вдруг обожгло.

Запоздалая обида и гнев вспыхнули где-то внутри. В их уговоре не было ничего подобного, но сейчас он не смел и заикнуться — кто знает, не укусит ли его Гуань Хэн?

— Сначала поешь, потом — в душ, — сказал Гуань Хэн.

Возможно, он не слишком умел заботиться о человеке, но элементарные вещи знал: при гипогликемии мыться нельзя.

Нин Цюянь отвернулся. Молчал.

Он сидел на краю кровати, и Гуань Хэн присел перед ним на корточки, взял за руку и заглянул в лицо.

Как взрослый, успокаивающий ребёнка.

Длинные волосы заложены за уши, выражение — спокойное. Глаза снова были чернильно-чёрными — тот хищный багровый отблеск словно погрузился куда-то на дно.

Он был невозможно красив. Любой человек под таким взглядом не смог бы его проигнорировать.

Нин Цюянь вспомнил старинное выражение: совершенная красота непременно таит в себе демона.

Хотя Гуань Хэн ничуть не напоминал демона из сказок. Его облик ассоциировался у Нин Цюяня с ночным горным ветром или утренней росой на травинке — ничего общего с тем чудовищем, которое заставило его зарезать ягнёнка.

— Испугался, — произнёс Гуань Хэн, словно снова став тем учтивым, мягким Гуань Хэном. — Или тебе невыносимо?

Нин Цюянь по-прежнему молчал.

Такое между ними — впервые.

— Ты имеешь дело с демоном, — наконец сказал Гуань Хэн бесстрастно. — Не нужно представлять нас лучше, чем мы есть.

Нин Цюянь проспал весь день. К вечеру дядя Кан доложил Гуань Хэну, что мальчик не может есть.

Гуань Хэн оторвал взгляд от работы и уделил этому толику внимания:

— Что ему готовили?

Дядя Кан перечислил меню дня — мясо, овощи, всё сбалансированно.

— Переведите его на полностью вегетарианское, — сказал Гуань Хэн. — Если не пойдёт — пусть делают десерты.

Дядя Кан кивнул.

Нин Цюянь не спал, но на третий этаж не поднялся. В комнату для пазлов тоже не зашёл. Пазл остался ровно таким, каким был в прошлый раз. Гуань Хэн не сказал об этом ни слова.

Дядя Кан всё понимал и обратился к Гуань Хэну:

— Не тревожьтесь. Он привыкнет. Сяо Нин — сильный мальчик.

Гуань Хэн задумался.

Когда Нин Цюянь уезжал с Лу Цяньцюэ, он сказал, что соберёт вещи, но в спешке и нервном хаосе ничего не взял.

Окровавленную одежду он больше не видел. Слуги приготовили ему вещи Гуань Хэна, ушитые под его рост.

Днём заходил доктор Лин — проверить состояние. Нин Цюянь был молчалив.

Доктор Лин знал: мальчик уже догадался, что забор крови каждый визит — лишь прикрытие. Брали слишком мало, и любой человек с медицинскими познаниями рано или поздно раскусил бы. Они просто пользовались его наивностью.

Доктор Лин решил, что когда Нин Цюяню станет полегче, он должен будет перед ним

извиниться.

На второй день Нин Цюянь начал выходить.

Он бродил вокруг здания, стараясь определить, кто из здешних обитателей — человек.

Встретив дядю Кана, который, видимо, заметил его настороженность, услышал:

— Не бойся. На острове другой — только господин. Мы все такие же, как ты.

Нин Цюянь немного расслабился. Спросил, когда его отпустят. Дядя Кан ответил:

— Думаю, придётся подождать, пока молодой господин Лу привезёт новости.

Нин Цюянь стал уходить дальше. Не сидеть в доме было легче.

Он гулял по острову Ду в одиночестве. Здесь было всё так же красиво, как прежде.

Весной, когда всё оживёт, — какие тут, должно быть, краски?

Без дела день тянулся бесконечно.

Незаметно для себя он добрёл до маяка. Поднялся наверх — и только тогда вспомнил, что телефона у него нет. Связь есть, а толку — никакого.

С этой высоты — бескрайнее синее море.

Тихая береговая линия, одинокая туча в небе.

Как там Рэй? Не нашло ли его «чудовище»? Хоть бы ему хватило совести сдать полицию.

А само существо — ранило ли ещё кого-нибудь? Обнаружила ли полиция тех двоих — убитого и раненого?

Всё это было за пределами того, что Нин Цюянь мог решить. Он пришёл на остров Ду вслепую. Вслепую полез в неизвестный мир. И когда наконец получил ответ — обнаружил, до чего он был невежествен и глуп.

Он тупо осознал, что в последнее время что-то в нём изменилось. Прежний Нин Цюянь не стал

бы делать некоторых из этих вещей.

Он стал слишком одержим. Слишком погружён. Слишком упрям. Это началось, кажется, с первого визита на остров, — но объяснить почему он не мог.

То, чему не находилось объяснения, быстро отступало на второй план.

Он сидел, прислонившись к перилам маяка, и надеялся увидеть в небе вертолёт — Лу Цяньцюэ прилетит на нём.

Ледяной морской ветер. Нин Цюянь долго смотрел в пустоту.

Снизу кто-то крикнул его имя.

Он убрал ноги с перил и перегнулся.

С такой высоты люди казались крошечными, но он узнал Гуань Цзымина.

— Нин Цюянь! — крикнул тот снова.

Нин Цюянь не хотел отвечать.

— Эй, ты спускаешься или нет?! Не придёшь — уйду!

Гуань Цзымин подождал минуту. Нин Цюянь не двинулся.

Тот развернулся и зашагал прочь. Но не успел уйти далеко — Нин Цюянь спустился и спросил, чего ему надо.

Пальто на нём — по длине впору, но в плечах заметно шире; выглядело как оверсайз, и, как ни странно, шло ему. Совсем не похоже на обычную нечёсаную неряшливость.

При первой встрече на корабле Гуань Цзымин запомнил его как кутающийся шар — и поразился, что такой мерзляк вообще рискнул ехать на остров.

— Мне нужно взять кровь, — сказал Гуань Цзымин. — Хочешь посмотреть?

Кровь?

Нин Цюянь стоял как вкопанный.

Прошлой ночью Нин Цюянь вошёл в бойню на своих ногах, а вынес его оттуда Гуань Хэн — на руках, залитого кровью, белого как мел. Гуань Цзымин всю ночь ворочался, чувствуя себя соучастником — тем, кто подал нож и запер дверь.

Хотел было извиниться, но при виде кислой физиономии Нин Цюяня передумал.

Гуань Цзымин двинулся к ферме, зная, что Нин Цюянь идёт следом. Эти места он знал назубок и вёл напрямик, не петляя по тропинкам.

По дороге попадались кусты и цепкие сорняки.

Один раз он обернулся: Нин Цюянь остановился и счищал с пальто колючки череды.

— Эта дрянь жутко прилипчивая, — заметил Гуань Цзымин. — Я никогда не ношу одежду, к которой она липнет. Красота — вещь бесполезная.

Нин Цюянь окончательно замкнулся.

На ферме он наконец заговорил:

— Сегодня я никого не режу.

И покосился в сторону овчарни.

Овцы мирно жевали сено. Ни одна мать не искала детёныша — всё было обычным.

— Никто и не заставляет, — ответил Гуань Цзымин. — Вырастить овцу — дело не быстрое, каждый день, что ли, резать? Знаешь, сколько я убирал за тобой? Если бы все на бойне так работали — можно было бы закрываться.

Нин Цюянь: «...»

Он наблюдал, как Гуань Цзымин зашёл в ту самую комнату и вынес набор: стерильные шприцы в упаковке — похожие на те, что использовал доктор Лин.

Гуань Цзымин привёл его к оленьему загону. Олени потянулись к нему, ластились, выпрашивая угощение.

Гуань Цзымин нашёл морковь, выбрал одного оленя, велел Нин Цюяню кормить и ловко приступил к забору крови.

— Если колоть сюда — им почти не больно, — объяснил он. — У некоторых шкура толстая, вообще не чувствуют. Когда наловчишься, весь забор занимает несколько минут. Не обязательно каждый раз убивать.

Нин Цюянь смотрел на его руки:

— Сколько нужно?

Гуань Цзымин, не зная, о чём тот сейчас думает, ответил:

— Немного. Миллилитров двести.

— А, — кивнул Нин Цюянь. — Сколько раз в день?

— Два-три. Не только оленья — чередуем.

Морковь кончилась, и Нин Цюянь не знал, чем заняться. Сунул руки в карманы.

Закончив забор, Гуань Цзымин погладил оленя. На его обычно бесстрастном лице на мгновение проступило что-то тёплое, человеческое — совсем не похожее на того скованного наручниками парня, которого привезли на остров. Он явно прижился.

— Ты был «возвращён», — вспомнил Нин Цюянь слова Гуань Хэна. — Так зачем ты тогда сбежал?

Гуань Цзымин снова надел маску холодности:

— Я думал, что он — кровожадный демон, пьющий человеческую кровь.

"А разве нет?" — мелькнуло у Нин Цюяня.

Гуань Цзымин хотел ещё что-то сказать, но вдалеке послышался шум грузовика — приехали люди из особняка. Он отставил пакет с кровью, защёлкнул термоконтейнер и пошёл сдавать.

Нин Цюянь взял ещё несколько морковок и кормил оленей.

Олени всегда казались ему существами более чуткими, чем овцы. Под их взглядом он боялся,

что они распознают в нём убийцу.

Холод стоял жуткий, но когда он погладил оленя — тот оказался тёплым. Стало чуточку легче.

Рядом с оленьим загоном был курятник.

Гуань Цзымин, переговариваясь с кем-то, зашёл внутрь. Нин Цюянь услышал кудахтанье, глянул в ту сторону — и замер.

Там стояла беловолосая старушка в фартуке, с красивой плетёной корзинкой в руках. Она улыбалась, собирая яйца в сопровождении Гуань Цзымина.

Левая сторона её лица — от щеки до шеи — была покрыта чудовищным шрамом.

Как после звериного укуса: рубцы, искажённые, бугристые, давно стали частью неё, заменив собою кожу.

<http://bllate.org/book/17881/1710966>